

28 ЯНВ 41 4

М. Е. Салтыков-Щедрин

(К 115-летию со дня рождения)

Одну из своих статей о Салтыкове-Щедрине А. В. Луначарский закончил пожеланием, чтобы читатель поставил «перед собою портрет Щедрина, тот, где глядит на вас длиннобородый старик в пледе...

...Какая суровость! Какие глаза судьи! Какая во всем этом чувствуются особенная, твердая, подлинная доброта!..

...Вы не думайте, что этот большой старец в пледе, этот человек с колкими глазами и судья со скорбным ртом будет вам читать тяжело, хотя и режущие проповеди, — нет, это человек поистинной веселости, блестящего остроумия, это величайший «забавник», мастер такого смеха, смейся которым, человек становится мудрым».

Именно таким и был Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Его значение для русской и, в частности, русской сатирической литературы трудно переоценить. Среди гениев мировой сатиры он также, по справедливости, занял весьма почетное место. Неоднократно критики называли Салтыкова «русским Свифтом». Но вряд ли кто из мировых сатириков может сравниться с Салтыковым-Щедриним по силе и страстности обличения эксплуататорских классов, по силе и глубине любви к трудовому человечеству.

Могуч, неисчерпаем и крайне разносторонен был талант Салтыкова-Щедрина. Политический памфлет, семейная хроника, художественный очерк, драма, фантастическая повесть, бытовой рассказ, сказка — все это многообразие литературных жанров нашло себе удачное применение в творчестве гениального писателя. Такова уж была исключительная сила и оригинальность щедрина таланта, что все эти жанры под пером Михаила Евграфовича при-

обретали совершенно новые черты. «Это огромный писатель... — отзывался М. Горький о Щедрине.— Широта его творческого размаха удивительная».

Образное обобщение действительности Салтыков-Щедрин делал с наиболее передовой для его времени точки зрения, которую отстаивали лучшие представители революционной демократии: Чернышевский и Добролюбов.

Обличительная роль произведений великого русского сатирика была поистине огромна. Уже по поводу «Губернских очерков» — первого произведения, доставившего Щедрину известность, — «мужицкий демократ» и революционер Н. Г. Чернышевский писал, что «ви у кого из предшествовавших Щедрину писателем картины нашего быта по рисовались красками более мрачными. Никто не карал наших общественных пороков словом более горьким, не выставлял перед нами наших общественных язв с большею беспощадностью».

Выступая с решительным протестом против неопишуемого свинства, подлости, глуповщины, помпадурства, головлевщины и бездны иных гнусностей, которыми до краев была полна чаша российской жизни, Щедрин навсегда заклеил «прекраснодушных» соглашателей, «рыцарей на час» — либералов — в своей замечательной сказке «Либерал», дав меткую формулу эволюции российского либерализма: сперва — «по возможности», затем — «хоть что-нибудь» и наконец — «применительно к подлости».

Четыре десятилетия продолжалась кипучая литературная деятельность Михаила Евграфовича. Началась она в 1847 году, закончилась (точнее: оборвалась) в 1889 году. В

течение всего этого времени Щедрин прочно стоял на позиции передового партийного деятеля, писателя-общественника. «Я не только литератор, но и журналист, человек партии», — характеризовал он себя в 1881 году.

Первые писательские шаги Салтыкова-Щедрина были совершены под значительным воздействием кружка М. В. Петрашевского, где писатель познакомился с идеями социалистов-утопистов и в первую очередь с идеями Фурье, перед которым преклонялся Петрашевский.

Влияние утопической теории Фурье заметно сказалось в одной из ранних повестей Щедрина — «Запутанное дело» (1848 г.), написанной в демократической манере так называемой «натуральной» (читай: реалистической) школы». Как известно, за эту повесть и повесть «Противоречия» Салтыков был выслан в Вятку. Высылка была тяжелой для писателя, но она спасла его от расправы по делу Петрашевского. В книге «За рубежом» Салтыков-Щедрин ярко рассказывает (глава IV) об увлечениях молодежи сороковых годов теориями социалистов-утопистов и об ее сочувствии революционному движению во Франции.

«...Духовно мы жили во Франции... — пишет Щедрин... — Мы не могли без сладостного трепета говорить о «великих принципах 1789 года» и обо всем, что отсюда происходило. А так как местожительством этих «принципов» предполагался город Париж, то естественно, что симпатии, ощущаемые к принципам, переносились и на него. Но в особенности эти симпатии обострились около 1848 года».

Однако правительство Николая I не дремало. «И вот, — читаем дальше у Щедрина, — вслед за возникновением движения во Франции произошло соответствующее движение и у нас: учрежден был негласный комитет для рассмотрения злокозненностей русской литературы. Затем, в марте, я написал по-

ведь, а в мае уже был зачислен в штат вятского губернского правления. Все это, конечно, делалось не так быстро, как во Франции, но зато основательно и прочно, потому что я вновь возвратился в Петербург лишь через семь с половиной лет, когда не только французская республика сделалась достоянием истории, но и нас мундирные фраки уже были заменены мундирными полукафтанами».

В «Русском вестнике» в 1856 году начали печататься «Губернские очерки» Щедрина. Они создали писателю громкую славу.

С гоголевской силой обличения Щедрин нарисовал в этих очерках потрясающую картину разложения быта, общественного и политического уклада крепостнической России. «Вся Россия такая, — вспоминала писательница В. И. Дмитриева о «жестком выводе», который она сделала по прочтении «Губернских очерков»: — везде гадость, мерзость, насилие, несправедливость. Навверху княжат Порфирии Петровичи, Хрептугины, Налетовы, хищники, взяточники, убийцы, подлые, жадные, наглые... А внизу — забитая, несчастная крестьянская масса, которую приравнивают к стаду, грабят, бьют, презирают, лишают всяких человеческих прав...»

Неудивительно, что, прочитав «Губернские очерки», великий украинский народный революционный поэт Т. Г. Шевченко записал в своем дневнике: «Я благожелательно перенял Салтыковым. О, Гоголь, как бесстрашный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих».

Но вот люди давлением самих крепостников царь Александр II провел в жизнь несколько лет подготовленную буржуазную реформу. Формально крепостничество было отменено. Кое-кто из литераторов, даже демократического толка, поддались на эту «удочку» и стали воспевать «милость», которую якобы оказал рус-

скому крестьянству «царь-освободитель».

Этой ошибки избежал Салтыков-Щедрин. Он во-время понял, какие новые тяготы, в связи с реформой, проведенной крепостниками, легли на плечи трудового народа, насколько глубоко крепостнической оставалась Россия, несмотря на введение новых порядков. Соответствующие мысли свои и наблюдения писатель образно отразил в ряде произведений; назовем «Историю одного города» — эту острейшую сатиру на верховную власть самодержавной дворянско-буржуазной России, «Господа Головлёвы» — роман, ярчайшими красками рисовавший отвратительную картину физического и морального распада «дворянского гнезда» (наиболее омерзителен образ Иудушки — Порфирия Головлева); «Благонамеченные речи», «Мелочи жизни» и другие циклы очерков и рассказов, в которых с глубоким проникновением в существо дела Щедрин реалистически изобразил процесс капитализации российской действительности.

Писатель художественно показал, как в деревне происходила поляризация бедноты и кулачества, как заметно, буквально на глазах, разлагалась хваленая народниками община. «Старая форма давала раны, — писал Щедрин в «Мелочах жизни», — новая — дает скорпионы; старая томила барщиной и произволом... новая — донимает голодом. Чумазый итритси в самое сердце деревни и преследует мужика и на деревенской улице и за околицей...

Вот он, дом кулака! вот он высится чумазой крышей над почерневшими хижинами односельчан: издалека видно, куда скрылся паук, откуда он денно и нощно стелет свою паутину. Хируст русская деревня, с каждым годом все больше и больше беднеет». Писатель показывает, как русский «чумазый», азиатского типа, капитализм, разрушая остатки крепостнического уклада, одновременно с этим завязывает тесные связи с самодержавием.

В 80-ые годы — эпоху глухой реакции, когда царь Александр III, расправившись с революционным народничеством, установил в стране жестокий политический террор, — Салтыков-Щедрин особенно много работает над циклом сказок, которые он начал писать еще в 60-ые годы. Жанр сказки дает возможность писателю говорить намеками о многих вещах, о которых цензура не разрешает высказываться открыто. Но не только поэтому работает Щедрин над сказочной формой. Она подкупает писателя главным образом тем, что она проста и доступна пониманию массового читателя. А именно о таком читателе «читателе-друге», для которого литература служит не средством забвения от тревожностей жизни, а оружием в борьбе, — страстно мечтал Салтыков-Щедрин.

Все, что было отрицательного в тогдашнем быту, в политике, общественной жизни; что ложилось тяжелым бременем на спину простого народа — все это являлось предметом уничтожающего осмеяния в сказках Щедрина. Но писатель бичевал не только насильников и угнетателей. Он с горечью высмеивал и тех, кто рабски переносил гнет, не пытаясь противостоять ему; кто проповедывал «умеренность» в требованиях, предъявляемых эксплуататорам.

Щедрин высоко держал знамя революционной демократии. Его ненавидело царское правительство и налагало запрет на многие его произведения. Немало тяжелых минут пришлось пережить великому сатирику и в связи с его редакторской деятельностью. Щедрин, как известно, два года (1863—1864) активно сотрудничал в редакции журнала «Современник» и шестнадцать лет стоял в главе журнала «Отечественные записки», до его закрытия в 1884 году. Закрытие «Отечественных записок» писатель воспринял особенно тяжело. «Неужели я, большой, издающий переживу эту галиматью!.. — писал он П. В. Анненкову 3 мая

1884 года. — Вообще хорошая будет страничка для моей биографии. Столько я в две недели пережил, сколько в целые годы не переживал».

До последних дней своей жизни Салтыков-Щедрин не вышучивал пера из рук. В январе 1889 года писатель закончил работу над исторической хроникой «Пошехонская старина», в которой произнес беспощадный приговор крепостнической России. Больше он уже ничего не сочинил. 28 апреля 1889 года Салтыков умер. В завещании сыну он писал: «Паче всего любви родную литературу и звание литератора предпочитаю всякому другому».

2 мая состоялись похороны писателя, превратившиеся в общественную демонстрацию, в которой приняли участие революционная молодежь и рабочие петербургских заводов.

«Мне жаль Салтыкова, — писал А. П. Чехов Плетцеву под свежими впечатлениями смерти великого сатирика, — это была крепкая, сильная голова. Этот смелый дух, который живет в мелком, изможденном, сдушенном русском интеллигентном среднего люмпина, который в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издаваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел только Салтыков. Никто не сомневался в искренности его презрения».

Творчество Щедрина не утратило своего живейшего интереса и в наше время. Создавая новое, коммунистическое общество, мы боремся с пережитками эксплуататорского строя, которые еще дают себя знать в нашем сознании. Произведения великого русского сатирика помогают нам в этой борьбе. Не случайно в своих устных и печатных выступлениях щедринскими образами широко пользовался Ленин, часто обращаясь к ним товарищ Сталин.

Почетом и любовью окружено в стране социализма имя Салтыкова-Щедрина.

Н. ПОКОВ